

О. В. ВОСТРИКОВ
Свердловск

**СУБСТРАТНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
В РУССКИХ ГОВОРАХ И ТОПОНИМИИ
ВОЛГО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Географическая терминология всегда связана с определенной местностью. Пришельцы, вытесняющие или ассимилирующие коренное население, осваивают не только новую территорию (реки, озера, болота, леса, а также микрообъекты — ямы, омуты, плеса, перекаты на реках, тони, сенокосные участки, земельные угодья и т. д.), но и географическую терминологию аборигенов. Происходит это в силу того, что в языке пришельцев для некоторых местных объектов нет соответствующих терминов (в этом случае речь идет о «необходимых заимствованиях», по терминологии В. Феенкера¹). С другой стороны, знакомство и освоение новой территории идет, как правило, именно через местное коренное население, передающее пришельцам свой опыт и в определенной мере свою, упорядоченную с помощью языка и существующую благодаря языку систему образов внешнего мира, точнее, систему понятий о внешнем мире. В этом случае речь может идти об «избыточных заимствованиях», т. е. заимствованиях, синонимичных исконным терминам языка пришельцев. Поэтому в русских говорах, сформировавшихся на субстратной основе, заимствованная географическая терминология должна составлять весьма значительную часть².

В данной статье рассматриваются термины территории Волго-Двинского междуречья (центральные и северные районы Костромской и восточные районы Вологодской области). Выбор этой территории не случаен, ибо она занимает промежуточное положение между русским Севером и Волго-Окским междуречьем. На русском Севере (Вологодская и Архангельская области) в топонимии и лексике обнаружены значительные слои финно-угорского субстрата. Топонимия Волго-Окского между-

---

¹ Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der Russischen Sprache. Bloomington, 1967, s. 2.

² См., например: *Kalima I.* Die Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

речь в своей массе пока не поддается интерпретации. Таким образом, выяснение происхождения географической терминологии Волго-Двинского междуречья — шаг к объяснению формирования местной географической терминологии всего Севера Европейской части СССР.

По данным СТЭ, в настоящее время известно свыше 30 субстратных географических терминов в топонимии и в лексике Волго-Двинского междуречья. Часть их уже была рассмотрена³.

Термины, представленные только в топонимии

Бал, бол. Этот формант, представленный в ряде топонимов русского Севера, Волго-Двинского и Волго-Окского междуречья, считал мерянским географическим термином (со значением «поселение») А. И. Попов⁴. Многие топонимы с формантом *бал, бол* действительно являются названиями населенных пунктов. На исследуемой территории с формантом *бал, бол* зафиксированы следующие топонимы: *Возобол*, р.—басс. р. Волга; *Кужбал*, с.—Нея; *Пезобал*, н. п.—Кологр. у.; *Ружбал*, р.—прав. пр. р. Нея; *Сомбал* — прав. пр. р. Межа; *Тунбал* — лев. пр. р. Воля; *Шачебол* (*Шачебал*) — волость — Костр. у.; *Ямбол*, р.—басс. р. Сев. Двина; *Яхнобол*, н. п.—Галич. у.

Приведем также топонимы с формантом *бал, бол*, отмеченные на других территориях.

На русском Севере: *Андобал, Вадбол, Кодобал, Чапбал* — деревни и урочища — Белоз.; *Вожбалъ*, р.—басс. р. Сухона, *Кубал*, р.—басс. р. Верюга (на этой реке стояла д. *Кубало* или *Кубола*), *Вожбола* — часть д. Савинская — Вельск; *Соломбала*, часть гор. Архангельска.

В Волго-Окском междуречье: *Куткобал*, волость — Углич. у.; *Кинобол*, с.—Влад; *Яхробола*, н. п.—Яросл; *Шухобал*, с.—Сузд. у.; *Вежбол*, р.—Влад; *Пужбола*, с.—Яросл; *Дебола*, с.—Влад; *Вознеболка*, р.—Пересл; *Пачеболка*, р.—Яросл; *Шачебол*, д.—Яросл; *Кибол*, с.—Влад; *Брембола*, с.—Пересл; *Шенбалка*, р.—Пересл. у.; *Толгобола*, р.—Яросл; *Курдобалово*, сц.—Пересл; *Шудобол*, пож.—Пересл; *Ракоболь*, н. п.—Яросл.

Таким образом, ареал топонимии с формантом *бал, бол* довольно широк, но компактен. Волго-Двинское междуречье — центр этого ареала. Едва ли во всех этих названиях формант восходит к одному и тому же корню, но для рассматриваемой территории не исключено его мерянское происхождение. То, что данный формант мог быть термином со значением «поселение», доказывается многочисленными примерами названий населенных пунктов с формантом *бал, бол*. Кроме того, имеется ряд топони-

³ Востриков О. В. Заимствованная географическая терминология в русских говорах по реке Унжа и ее отражение в топонимии. — В сб.: Вopr. ономастики. Свердловск, 1979, № 13.

⁴ Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 101.

мов, называющих населенные пункты, со структурой «название реки (на которой находится населенный пункт) + бал, бол»; напр., *Пезобал*, н. п. на р. Пеза, *Яхнобол*, н. п. на р. Яхна, *Шачебол*, волость на р. Шача, *Кинобол*, н. п. на р. Кинча и т. д. А. К. Матвеев предполагает, что севернорусские форманты *бала*, *боль* связаны с *пала*, *поль*, которые могут восходить, с одной стороны, к фин. *puoli*, люд. *puoli*, *puol'*, *рйол*, вепс. *pol'*, эст. *pool* «половина, сторона», с другой стороны, могут сравниваться с венг. *falu* «деревня», манс. *paβl* «то же»⁵.

Однако имеется целый ряд названий рек с формантом *бал*, *бол*. Не исключено, что в языке-субстрате (или в субстратных языках) существовало два различных термина, которые вследствие русской адаптации совпали в одной фонетической форме. Второй термин, представленный в речных формантах, как это предполагал еще Д. Европеус, мог иметь значение «речка», ср. венг. *folyó* «речка»⁶.

Вёкса. Из различных источников следует, что в Волго-Двинском междуречье протекает 4 реки с таким названием. Это стоки озер Галичское, Чухломское, Дорофеевское и Зеркальное. *Векса* вытекает также из оз. Масатовское (басс. р. Вологда), оз. Неро (Ростовское) и Переславское (по летописи Клешино). Характер реалий не оставляет сомнений в том, что термин означает «протока из озера в реку или в другое озеро». Судя по географии термина, он мог принадлежать летописной мере⁷.

А. К. Матвеев, рассматривая термин *Векса*, сопоставляет его с коми-зырянским вис, элатив *viskiš* «речка или ручей, которая соединяет два озера» и мар. *икса* «залив, вдающийся в берег реки, заводь». Он также не исключает возможности мерянского происхождения термина⁸.

Мундырь, Мондырь, Мундор.

Мундырь, д.—Шарья; *Мундырь*, поле—Межа; *Мундырь*, д.—Поназырь; *Мундор*, д.—Павино Петропавловский с/с); *Мундор*, д.—Павино (Леденгский с/с); *Мундырка*, пр. р. Нельша; *Мундырка*, бывш. хут.—*Мантур*; *Мондур*, д.—К-Гор; *Мондырь*, бывш. д.—К-Гор; *Малый Мондуток*, поле—К-Гор; *Мондурское*, поле—К-Гор.

Может быть сопоставлено с фин. *manner*, *mantere*, ливв. *man-ner* «материк», люд. *mander* «земля, которая после определенного перерыва делится вновь между крестьянами», эст. островное *tanner* (род. п. *mandra*), «материк, также остров Хиидэнмаа

⁵ Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Докт. дис. Свердловск, 1970, т. 2, с. 505.

⁶ Европеус Д. К вопросу о народах, обитавших в нынешней России до поселения в ней славян.— ЖМНП, СПб., 1868, т. 139.

⁷ Ср.: Попов А. И. Названия народов СССР, с. 101.

⁸ Матвеев А. К. К этимологии к-зыр. *вис*. (*виск*).— Acta Linguistica Scientiarum Hungaricae. Т. 24, с. 255—256.

(по отношению к маленьким островам)» (SKES, II, 333), откуда русск. диал. мандара, мандера «берег, суша, лес на материке» (К, I, 162). Значение термина *мундырь* и т. д. может трактоваться как близкое по значению люд. *mander* «земля, которая после определенного перерыва делится между крестьянами». Термин мог использоваться для обозначения определенных земельных участков, а затем (по метонимии) — населенных пунктов.

Сара, со́ра, су́ра. Этот термин представлен только в названиях рек.

Белая Сара — пр. р. Тутка; *Сора* — прав. пр. р. Немда; *Лунсарь* — лев. пр. р. Святица; *Каксур* — прав. пр. р. Пичуг; *Манаксур* — лев. пр. р. Шарженьга; *Хамсур* — лев. пр. р. Кильченга; ср. также *Сара* — пр. оз. Неро (Ростовское).

По всей вероятности, мы имеем дело с рядом фонетических вариантов одного термина, усвоенного из различных финно-угорских субстратных языков, ср. фин. *saara* «ветвь», вепс. Р. К. *sar* «ветвь (например, дороги)», *tesar* «ветвь дороги» (SKES, IV, 937).

А. К. Матвеев считает, что формант *сур* особенно близок саамским данным: ср. саам. нот. *suorr*, кильд. *surr*, йок. *sirre* «ветвь, развилка», нот. кильд. также «ответвление реки»⁹.

Вариант *Сора, Сара (-сарь)* представлен в западной части региона, *-сур* — в северо-восточной.

Тумба, Туньба. Как правило, это названия покосов на возвышенности среди болота.

Тумба, пок.—Мантур; *Тунбы*, пок.—Мантур; *Туньбы* — пок. Мантур; *Тунбоса*, пок.—Мантур; *Тумба* — часть р. Средняя (оз. Галичское); *Тумбы* (вар. *Тунбы*), пок.—Нея; *Туньбы* (вар. *Тюньба*), пок.—Галич; *Егорьевская Тюньба, Павловская Тюньба, Платуновская Тюньба*, пок.—Галич.

Трудно сказать, какой была фонетическая форма термина в языке-источнике, во всяком случае, для русского языка правдоподобна диссимиляция губных.

А. К. Матвеев высказал предположение, что костромской термин может восходить к слову неизвестного субстратного языка, которое родственно манс. *tumr* «остров, отдельная гора» (устно).

Яхр. Термин представлен в основах субстратных гидронимов.

Яхромша, пр. оз. Чухломское; *Яхруста*, басс. р. Волга; *Яхрянка* — басс. р. Волга; *Ягрыш*, прав. пр. р. Шонга; *Яхренга*, лев. пр. р. Юг.

О названиях с основой *ягр, яхр, явр* писал А. К. Матвеев, связывающий их с фин. карел. *järvi*, вепс. *järv*, саам. *jaur*, *Nawr*, *jawge* и т. д., морд. эрк, мар. *ер* «озеро»¹⁰.

⁹ Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР, с. 329—330.

¹⁰ Матвеев А. К. Топонимические элементы *явр, ягр, яхр* (озеро).— Изв. АН СССР. Серия геогр. 1965, № 6, с. 18.

На изучаемой территории расположен ареал названий с *ягр* (*Ягрыш*, сюда же, согласно А. К. Матвееву, *Яхренга*¹¹), и ареал *Яхр*.

К северу от изучаемой территории ареал *ягр* продолжается, а затем переходит в *явр*, а к югу исследователи отмечают распространение озерного форманта *-хра, -хро*, который также связывается с *ягр, яхр* (напр., *Конхра, Ламхра, Кочихра, Щихра, Вихра, Вышехро, Сезехра, Пузехра, Селехра, Смехро* — все это названия пойменных озер в Волго-Окском междуречье)¹².

Термины, представленные в лексике и в топонимии

Болма. Заросшая травой трясина, застойное место на реке, заросшее озеро, сырое место в лесу. Пыщуг, Межа, Шарья.

В топонимии: *Волма*, прав. пр. р. Лондушка; *Волма*, пок. — Межа, Пыщуг, Парф; *Волма*, лев. пр. р. Соега; *Волма*, бывш. д. — Мантур; *Волмы*, пок. — Кологр; *Волмы*, бол. — Пыщуг; *Волма*, бол. — Парф; *Ближняя Волма*, пок. — Мантур; *Гришина Волма*, пок. — Мантур; *Волнас*, пок. — Никол; *Волмахта*, прав. пр. р. Немда.

При всем разнообразии лексических и топонимических значений общее, что можно выделить для этого термина, — обозначение сырого места.

По семантическим и лингвогеографическим причинам нельзя связывать с новг. *волмина* «заросли ивняка», которое возводится к слав. * *vьlt* (Фасмер, I, 339).

Термин *волма* «болотистое, сыроватое, с кочками и лужами, шероховатое место» известен и в вятских говорах. Этимология этого слова с помощью марийского языка (от мар. *волмо* «опустившийся»)¹³ кажется неубедительной.

Узкое распространение и специфическое значение термина заставляют предполагать его субстратное происхождение.

Курпага. Яма в реке, омут, выюн. Кологр, Пыщуг, К-Гор, Никол. Отмечена также форма *курпéя*, К-Гор.

В топонимии: *Курпага*, завод на р. Кильченга; яма в р. Юг; лог, К-Гор; *Курпаги*, пок. — К-Гор.

Наличие различных форм термина позволяет предположить возникновение суффиксов *-ея, -ага* на русской почве, ср. *лазея, верея, рапочага, мочага*.

Для объяснения основы *курп-* можно привести саам. *kur'pp* (S), «морщина, складка» (KKS, 189) или саам. *kur'p'a* (Aгj) «яма, ключ в ручье» (Лагеркранц, I, 390).

¹¹ Матвеев А. К. Топонимические элементы *явр, ягр, яхр*, с. 21.

¹² Смолицкая Г. П. Картографирование гидронимии Поочья. — В сб.: Топонимия Центральной России. Вопросы географии. М., 1974, № 94, с. 65.

¹³ Иванов Н. Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края. — СФУ, 1969, № 2, с. 106.

Семантически более вероятно заимствование второго слова с метатезой в русском языке.

Мыгра. Небольшая горка, горка с лесом. В-Устюг.

В топонимии: *Мыгры* — название поля на возвышенном месте — Пыщуг. Данный термин широко представлен в лексике и топонимии говоров в среднем течении р. Сев. Двина (Виногр. В-Т, К-Б).

Ср. фин. *mykku, mykkyrä, mykerä*, ливв. *mükkülä* «выпуклый, холмистый», ср. эст. диал. *mügar* «довольно большое облако, *mügarik* «неровный, ухабистый», ср. также фин. *myku* «комок», эст. *mügam* «хлебная куча» (SKES, II, 355, 356). Ср. еще мар. *mygyr* «горб, изгиб, извив, излучина» (МРС, 333).

Ср. также манс. *tewor, täwor* «возвышенность, покрытая лесом»¹⁴.

Хорь. Островок на реке, мель. Кологр, Мантру.

У Даля в том же значении дано слово *хорёк* с пометой нвг-белозерск. (Даль, IV, 561).

В топонимии: *Золотой Хорь*, остров на р. Унжа.

Этимологизируя термин, приводимый Далем, Калима предполагает существование формы * *хорь*, которую и отмечает СТЭ в русских говорах в среднем течении р. Унжа.

<приб-фин., ср. фин. *kari* «морской утес, песчаная мель», карел. род. п. *keri* «перекат, куча камней», эст. род. п. *kari* «риф. утес» (К, I, 238).

Чóлба, чóлма, кóлба. Горка, круглый холм. К-Гор. В оронимии этого района широко представлены все три формы.

Возможно, связано с русск. диал. *челпан, чолпан* «горка, круглый хлеб». На этой же территории имеется ряд горок с названием *Чолпан*.

Фасмер не склонен считать *челпан* иноязычным заимствованием (Фасмер, IV, 329). «Этимологический словарь славянских языков» (IV, 144) возводит это слово к праслав. языковому фонду. Однако форма *чолпан*, а тем более *чолба* и *чолма* могут иметь иное происхождение¹⁵.

Форма *челпан*, возможно, представляет собой контаминацию исконно славянской формы и заимствования, во всяком случае, ареал распространения этой лексемы (арх, влгд, прм — Даль, IV, 589) требует объяснения.

Чолба > чолма при прогрессивной ассимиляции -лб-. Что касается происхождения термина *колба*, то вопрос остается открытым. Не исключен переход *чолба > колба* под воздействием народной этимологии (*колоб* — предмет круглой формы). Название покоса в Галичском районе Костромской области *Кóлба* (ср.

¹⁴ Власова Д. Д. Мансийские географические термины в русском употреблении на территории Кондинского р-на Тюменской области. — В сб.: Вопр. ономастики. Свердловск, 1977, № 12, с. 134.

¹⁵ Матвеев А. К. К этимологии русского диалектного *челпан*. — Etudes Finno — Ougriennes Budapest, 1975, t. 10, с. 26.

диал. *кóлба* «колка леса» — Халтуринский район Кировской области) имеет, видимо, иное происхождение. Не произошло ли переосмысления этого термина в кичгородецких говорах под влиянием другого, более распространенного и фонетически близкого слова — *чолба*?

Термины, представленные только в лексике

Курга́н, курда́н, круга́н. Яма в реке. Кологр, Солигалич, Бабушк, В-Устюг, Никол, Чухл.

Термин представлен также в говорах Архангельской и Вологодской областей (Даль, II, 221, СТЭ). Значение в целом совпадает со значением другого севернорусского термина *курья*. Можно говорить и об определенной фонетической близости. О передаче прибалтийско-финского *-ri-* русск. *-pɨ-* писал Калима (К. I, 45), который, впрочем, не был уверен в закономерности такой передачи. Но ср. также колебание в архангельском диалектизме *тарья* ~ *тарьга*, а также в названии притока Немды: *Порья* ~ *Порга*. Исход термина объясним на русской почве, ср. русские диалектные слова *майдан*, *баган*, *урман*, *челпан* и др. Форма *круган* могла возникнуть под действием народной этимологии (там, где яма в реке, часто бывают водовороты, воду «кружит»). *Курдан* < *курган* при диссимиляции заднеязычных, ср. *конда* < <конга (К. I, 238).

Лакóник. Низкое сырое место, кочковатое болотистое место, где растет смородина. Пышуг, Шарья.

Ср. фин. *laakso*, диал. *lakso*, *vesilakso* «пруд, лужа»; эст. диал. *laks* «равнина» = ? саам. *лакша* «большое болото, болото, где растет карликовая береза, (SKES, II, 267).

lakso > *лахоник*, так же как *Шексна* > *Пошехонье*. Для объяснения исхода слова ср. *мяконик*, *куконик*, *кедроник*.

Рýнас, рýнос. Возвышенное место, крутой обрыв у реки самый край его; снежный отвал у дороги. Кологр, Мантур, Чухл.

По всей вероятности, из того же источника, что и севернорусские диалектизмы: *ро́пака, ро́пак, ро́нас, рýпака, рýнас*. Обледенелые прибрежные камни. Торчащие стоймя или нагромодившиеся одна на другую у морского берега или на отмели льдины (Подвысоцкий, 148). *Ро́нас*. Бугор из льда, ломанного людьми или нанесенного на берег рекою (Куликовский, 101). *Ро́пака, рýпак*. Громоздкая льдина, ледяная гора, плавающая или выкинутая на берег. *Ро́нас*. Ледяные бугры, неровности (Даль, IV, 103—104).

Фонетически костромской термин более точно соответствует прибалтийско-финским данным, значение его также довольно близко значению слова-оригинала, ср. фин. *gioras* «груда камней», *györäs* «шероховатая скала, камень, находящийся на выветрившемся основании», «выветрившаяся скала, груда, куча

(например, скал)», карел.-ливв. *ruopas*, «каменные развалины» и т. д. (SKES, IV, 872).

Чагра. Мелкий, густой, труднопроходимый лес на сыром месте. К-Гор.

Этот термин, по данным СТЭ, распространен также в русских говорах южной части Архангельской области (Уст, К-Б, Нянд, Конош, Вельск) и в двух восточных районах Кировской области (Халт, Даров).

Семантическая идентичность и определенная фонетическая близость позволяют связывать этот термин с русск. диал. *согра*, *шогра* и *шохра*. Если предположить, что русск. диал. *согра* вошло в русские говоры из какого-то субстратного языка, близкого прибалтийско-финским, *шогра* — *шохра* — из языка, имеющего общие черты с волжско-финскими языками (соответствие начального *с* — *ш*)¹⁶, то соответствие начального *с* — *ч* может быть интерпретировано с помощью саамского языка¹⁷. Однако саамский язык обычно сохраняет древнее *о* в первом слоге. В прибалтийско-финских же языках это древнее *о* могло переходить в *а*.¹⁸ Таким образом, язык-субстрат, из которого в русские говоры мог войти термин *чагра*, обнаруживает сходство не только с саамским, но и с прибалтийско-финскими языками.

Ямурина. Яма (в реке, на покосе, в лесу). Кологр, Пыщуг, Мантур, Парф, Никол.

Без указания на распространение слово дает Даль (IV, 677). В соликамских говорах это слово значит «водоворот, быстрина, вымывающая на дне реки яму» (СГСРПО, 704).

Возможность русского происхождения термина весьма сомнительна, ибо в этом случае непонятен исход слова (*-урина*), хотя, войдя в русские говоры, субстратное слово, несомненно, испытало семантическое и фонетическое воздействие русск. *ямá*. А. К. Матвеев предполагает здесь метатезу и связывает термин с арх. *яромина*, *ярма*, которые, по его мнению, можно интерпретировать с помощью прибалтийско-финско-саамских данных, ср. саам. нот. *jeret* «омут, яма (в воде)», саам. Н *jarem* «маленькое расширение в реке» и фин. диал. *järämä* (<саам) «небольшой порог, глубокое и тихое место между порогами или быстринами» (SKES, I, 132) или саам. лул. *jarme* «маленькая лужа, озерко; омут, заводь ниже порога», саам. Н *jorbme*, Инари *jormo*, патс. *jorm* и фин. диал. *jurmi* (<саам) «глубокая яма в озере или в реке» (SKES, I, 126)¹⁹.

В Волго-Двинском междуречье значение термина под дей-

¹⁶ Востриков О. В. Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области.— В сб. Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978, с. 53.

¹⁷ Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1974, с. 122.

¹⁸ См., например: Wicklund K. B. Entwurf einer urlappischen Lautlehre. Helsinki, 1896, с. 130.

¹⁹ Матвеев А. К. Топонимические этимологии. VII.— СФУ, 1975, № 1, с. 22.

ствием народной этимологии (после метатезы) расширилось. Что касается исхода *-ина*, то он достаточно обычен для русских географических терминов: *ухабина, ложбина, колдобина, моче-вина, ключевина* и т. д.

Анализ субстратной географической терминологии Волго-Двинского междуречья заставляет вновь признать, что русское население сменило здесь финно-угорские племена, языки которых обнаруживают сходство с прибалтийско-финскими, саамским и волжско-финскими языками.

Следует подчеркнуть, что практически для всех субстратных включений можно найти соответствующий по семантике славянский термин. Поэтому разделение заимствований на «необходимые и избыточные», возможно, не имеет смысла для говоров, возникших на субстратной основе. «Избыточные» субстратные географические термины в такой же мере связаны с новой местностью, как и «необходимые».